

М.Г.Степанова

**История как литература.
Позиция историка и писателя**

Степанова Маргарита Гелиевна, ассистент кафедры русской литературы ЯГПУ

Для двадцатых-тридцатых годов XIX века, как уже неоднократно отмечалось, характерен резкий поворот к "историческому направлению". Это время отмечено появлением "Истории государства Российского" Н.М.Карамзина и "Истории русского народа" Н.А.Полевого, художественно-исторической прозы А.Бестужева-Марлинского, А.С.Пушкина, М.Загоскина, И.Лажечникова, Н.В.Гоголя и др. Периодические издания - "Московский телеграф" Н.Полевого, "Московский вестник" М.Погодина, "Литературная газета" А.Дельвига и А.Пушкина, "Вестник Европы" М.Каченовского, "Сын Отечества" Н.Греча - печатают на своих страницах переводы историографических сочинений Баранта, Тьерри, Гизо, Нибура, рецензии на исторические труды (полемика, разгоревшаяся после выхода в свет "Истории государства Российского" Н.М.Карамзина, подробно охарактеризована в книге Козлова (1989), исторические рассказы для детей, эссе, афоризмы и т.п. "Крайне показателен тот факт, что издатели и редакторы ведущих журналов данного периода - Н.Полевой, М.Погодин, М.Каченовский - вместе с тем выступали и как историки, авторы ученых трудов и создатели новых направлений в исторической науке". (Милованова, 1976. С.11). Историки, журналисты, писатели заняты поисками новых концепций исторического процесса. "История государства Российского" Н.М.Карамзина, несмотря на огромную популярность, очень быстро перестала удовлетворять запросы части современников, о чем говорит факт написания Н.Полевым "Истории русского народа". Из множества откликов об этой книге приведем один: "То уже не был златопернатый рассказ Карамзина, а повествование, пернатое светлыми идеями." (Бестужев-Марлинский, 1983. С.98). Историографическое сочинение оценива-

ется рецензентом с точки зрения не фактографичности, а "идеи", объединяющей разрозненные факты.

И.Киреевский увидел в произведениях Полевого намерение представить "жизнь всего народа как жизнь одного человека, как развитие одной идеи." Через привнесение абстрактной философской идеи в текст Полевой стремится к систематизации фактов, к "философскому синтезу". История представляется ему как "анализ философского синтеза". Этой точки зрения (необходимости философизации исторических и художественных произведений) придерживалось большинство писателей и ученых эпохи. Как отмечает Эско Вилкко, именно в романтическую эпоху в России широкое распространение получает просветительская идея о взаимозависимости научного, художественного и философского познаний. Авторы многих статей и трактатов отстаивают один и тот же просветительский тезис: ученые в своих исследованиях и поэты в художественном творчестве должны ориентироваться на определенные философские принципы, в которых воплощены закономерности природы. На основе этого принципа и создается, по утверждению Эско Вилкко, концепция нового героя - "естественного человека", формулируются принципы "типизации", "народности" и "идеализации". Философия как "наука всех наук" проникала во все формы познания.

Процесс сближения форм исторического и художественного повествований стал возможен "вследствие изменений, происшедших в каждой из этих областей и имеющих общую направленность. История как наука, перестав быть описательной (историей фактов), стала философской (историей идей). В ней повысилась роль личности самого исследователя, его философских и нравственных убеждений. Аналогичные изменения происходили и в романе." (Сафиуллин, 1969. С.20-21) Творческая личность, а не факт становится определяющим фактором в произведении. На основе сближения наук, ранее противостоящих друг другу, формируются переходные формы и жанры. Французские историографы (Барант, Тьерри, Гизо) заимствуют метод изложения материала из исторических романов В.Скотта - метод "вживания" в прошлое с помощью творческого воображения (Реизов, 1956). Так возникает "беллетризованная история", жанр, который Милованова выделяет как переходный наряду с "историческими сценами". (Милованова, 1976) "Соединением двух тенденций: философско-аналитическим пониманием истории как некой

меры вещей и стремлением воспроизвести историческое прошлое как материальную, но утраченную реальность человеческого бытия" Карамзин вырабатывает особую структуру исторического повествования, что, в свою очередь, позволяет рассматривать "Историю государства Российского" и как историческое, и как художественное произведение. (Лузянина, 1972. С.9).

Обратное влияние (исторического повествования на жанры художественной прозы) проявляется в увеличении количества и объема исторических справок и ссылок, обстоятельных экспозициях, описывающих быт и нравы эпохи, в желании писателей опереться на документальные факты (об этом говорит долгая подготовительная работа А.Пушкина над "Капитанской дочкой", приведшая к написанию "Истории Пугачевского бунта"). Писатели ощутили потребность в следовании определенной исторической концепции, "формулы". Но если в творчестве А.С.Пушкина происходит как бы "снятие" и синтез собственно исторического знания и художественного вымысла, художественный образ получает законченность и самостоятельность по отношению к "концепции", то в произведениях таких писателей, как Н.А.Полевой, побеждает "аналитический историзм", который так и не становится собственно "художественным историзмом - умением художественными средствами передать своеобразие прошлого и особенности индивидуальной психологии человека" (Лузянина, 1972. С.7). Так, Сафиуллин отмечает, что "факт" в "Истории русского народа" оказывается "подчиненным идее" (Сафиуллин, 1969. С.21). Сам Н.Полевой считал, что "только непрерывным исследованием главной идеи в жизни народа история его делается понятна и ясна." (Полевой, 1830. Т.1, С. 14) А.Карпов на примере "Повести о Симеоне, Суздальском князе" доказывает, что произведение "имеет отчетливо концептуальный характер" и делает вывод о том, что "постижение прошлого для Полевого - историка и художника - это прежде всего выявление идеи исторических событий" (Карпов, 1986. С.17). А.Бестужев-Марлинский также отмечал, что "История русского народа" отличается прежде всего "светлыми идеями". Милованова противопоставляет историографические произведения Карамзина и Полевого, говоря о том, что во втором случае мы видим установку на повествование, "живописание" фактов, а в первом - попытку схематизирования, подчинения фактов абстрактной идее. Но вполне возможно, что это схематизирование есть один из основных принципов оценки историком фактов.

С типологически сходными явлениями мы встречаемся в Европе. П.Барант, сформулировавший признаки "безличного", или "нарративного", метода, считал свои произведения "дословным переводом" слов и чувств людей прошлого. (Цит. по Реизову, 1956. С.146). Он стремится показать развитие в истории всеобщего разума, отменяя тем самым историю факта и заменяя ее историей сознания, историей идей и мнений. "Живописание фактов" перестает быть основной задачей историка. Полевой, развивая идеи Баранта, в своих произведениях также приходит к осознанию примата идеи над фактом, он готов "выявлять идею" в ущерб принципу повествовательности.

Художественно-историческая проза Н.Полевого не стала классической, она практически не попадает в поле зрения исследователей. Подобное "забвение" объясняется прежде всего переходным характером этих произведений, "связанностью" их с концепцией Полевого-историка. Творя в эпоху, где границы исторического и литературного повествований ощущались как проницаемые, считая себя творцом новой романтической прозы, Полевой шел своим путем, не принимая итоги поисков других писателей (критика Н. Полевым "Бориса Годунова" А.С.Пушкина). Обратимся к повести "Пир Святослава Игоревича, князя Киевского", впервые опубликованной в 1835 г. под названием "Пир Святослава" и подстрочным примечанием "Отрывок из нового романа "Синие и Зеленые". Это примечание было снято писателем при втором издании повести, кроме того, она была включена в цикл повестей, рассказанных Иваном Гудощником, уже как законченное произведение (хотя некоторая композиционная незаконченность произведения все-таки ощущается). Повесть посвящена событиям русской истории X века, времени правления Святослава Игоревича. В "Истории русского народа" Н.Полевой так характеризует этот период: "Варяги уже решительно оставили свой Ильменский притон, и действия главного табора их все сосредотачивались на Днепре, в Киеве. Положив поход Аскольда и Дира первым (Выделено Н.П. - М.С.) покусением варягов на Грецию, а поход Святослава в Булгарию последним опытом борьбы с греками, видим, что целое столетие Греция составляла первый предмет действий главного варяжского стана: иначе не можем назвать русских княжеств, основанных варягами" (Полевой, 1830. Т.2. С.33). События, описанные в повести, предшествуют последнему греческому походу Святослава. После смерти княгини Ольги, постоянно сдерживавшей его, он оказывается перед

необходимостью выбора: остаться править в Киве, "осесть" или возобновить походы в Булгарию.

Полевой создает образы исторических лиц: Святослава Игоревича, греческого посла Калокира, сыновей князя Ярополка, Олега и Владимира, но их поступки мотивируются не индивидуальными качествами, а свойствами, присущими определенной национальности и носящими универсальный характер. Святослав говорит на пиру, что "у всякого народа свой обычай сражаться. Грек берет хитростью, печенег ловкостью, славянин терпением, а варяг силой"¹. Иллюстрацией к этому замечанию становится схватка между печенегом и варягом Спендом. Печенег, обвив руками врага, "будто змей, поперек тела" (С.272), в конце концов "неожиданной хитростью... уперся головою в живот сопротивника" и победил. Приведем описание их внешности: "Между тем бойцы стояли с минуту один против другого - сын Скандинавии и дитя степей приволжских; один рыжий, голубоглазый, высокий, плечистый, другой с черными, как смоль, волосами, невысокий, черноглазый, приземистый" (С.272). Перед нами два типичных представителя своих народов, но не более того. Полевой лишает героев специфических, присущих только им черт.

С этой же целью - показать своеобразие собравшихся на пиру народов (можно сказать и так, потому что перед нами их типичные представители) - писатель включает в повесть песни печенега (о бескрайней степи, набеге на половцев, захваченной добыче), варяга (о северном грозном море, о любви "гордой девы"), славянина (варяг скажет об этой песне так: "Песни с девами, которые беспрестанно хнычут по отъезжающим друзьям сердечным, перекликаются с Днепром и Солнцем, с ветром и морем, о котором знают понаслышке". (С.275) и "любимца Перуна" Велеса о подвигах и смерти князя Олега. Даже в песнях не заполняется изначальная "пустота", схематичность образов. Песенный спор ситуативно практически не обусловлен и выглядит как вставной эпизод. Песни построены на варьировании типичных мотивов, и среди них выделяется только последняя песнь Велеса и по объему, и по содержанию. Это не лирическое произведение, но предание, очень похожее на те, из которых состоят наши древнейшие летописи. Она говорит о принципиально ином уровне

мировосприятия, в основе ее не "бродачий сюжет", но собственно исторический. Это песня народа, понявшего волю Провидения, по словам Полевого, знающего цель своего пребывания в этом мире и потому обладающего исторической памятью, связывающей прошлое с настоящим и будущим. Эта временная перспектива выявлена в песне через пророчество князя, прибывающего щит к вратам Цареградским: "От сего дня грекам от Руси не ущититься! Стар я становлюсь, и сюда не приду вдругорядь, - придет сюда молодец меня удалее, возьмет, положит он Царьгород, а имя тому молодцу - князю удалому... Не слышали, кого назвал Олег Вещий... Но знают то имя колдуны, вещуны Киева и Цареграда, вещуют, шепчут его валы Эвксина, ведают его волны Дуная!" (С.281). Князь Олег, для Полевого, прежде всего норманн, носитель определенного "народного духа". В "Истории русского народа" Н.Полевой пишет: "Они быстро двигались к югу, утвердись оседло на Ильмене; но здесь была уже цель: в Грецию было их стремление". (Полевой, 1830. Т.2. С.32-33) Древний дух завоевателей, мечтающих покорить Грецию, воинов, не привыкших жить оседло, воскресает в песне. Завоевание Царьграда - вот та идея, которая связывает воедино времена Олега и Святослава, которого Полевой называет "последним усилием норманнского духа" (Полевой, 1830. Т.2. С.35). "Неподвижен и безмолвен сидел Святослав, когда Велес начал песнь свою, но, будто масло на огне, загорелось его княжеское сердце от слов Велеса... Огонь горел в глазах юного гусяра и переливался в душу князя" (С.281). Эта же мысль соединила на пиру Велеса и князя Святослава, а потом и всех присутствующих, поддержавших князя в его стремлении идти в Булгарию.

Но песня Велеса не является единственной интерпретацией причин возможного (в повести) похода Святослава. Калокир, исполняя волю византийского императора Никифора, должен остановить дальнейшее продвижение русских по Европе (см. Н.А.Полевой "Иоанн Цимисхий"), но великим Епифанием ему предсказано великое будущее, если он призовет Север к Седмихолмию (Византия) и соединит род скифов с родом Константина (тогда сбудется надпись на гробе царя Константина Великого: "От Севера придет свет, и мощь, и сила с величием."). В его сознании это предсказание смыкается с легендой об Андрее Первозванном: "Знаешь ли, что Святой Апостол Андрей странствовал здесь, воздвиг крест на горах Киевских, благословил их и рек: "На сих горах воссияет благодать божия, будет

¹ Полевой Н.А. Мечты и жизнь. М.: Сов.Россия, 1988. С.273. Далее ссылки на текст даются по этому изданию в скобках с указанием страницы.

град великий и многие церкви бог воздвигнет". Позднее Калокир продолжит рассуждение: "И кто же после сего ведает, что киевским скифам не суждено первозвание (Выделено Н.П. - М.С.) среди всех народов и что славянин не займет даже престола Цареградского - по крайней мере, не укажет смелою рукою, кому сидеть на императорском престоле" (С.265). Калокир хочет стать императором с помощью Святослава и в то же время боится его ("Боже сохрани, Михаил, если господь просветит скифские народы православием и они кое-чему понаучатся... Они сдвинут тогда наш Царьгород в море, и кто знает, что в будущих веках здешние варварские страны не образуют такого царства, которое коснется востока и запада? Оно будет непобедимо, Михаил, ты еще не видывал скифских варваров в битвах" (С.264). Эти слова лучше всего иллюстрируют то "двуязычие" греков, о котором говорил Святослав.

Эти идеи не перейдут в действие на страницах повести, в отличие от "мысли" Святослава. Три раза в повести повторяются (каждый раз в измененном виде) слова князя, заимствованные из летописи: "Хошу жити в Переяславце на Дунае, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек паволоки, и злато, и вина, и овощи разноличные; из Чех и из Угр серебро и кони; из Руси же скоро, воск, и мед, и челядь". (Цит. по книге Полевого, 1830. Т.1. С.173) В первый раз слова звучат в речи повествователя, подводя итог экспозиции: "Таков был Киев в то время, когда идет наше повествование, Киев, под властью Святослава, говорившего: "Не любо ми есть в Киеве жити". (Выделено Н.П. - М.С.) Летописец делает акцент на желании Святослава жить в богатом торговом краю того времени. Полевой "сворачивает" речь героя до одной фразы, передающей неудовлетворенность жизнью в Киеве, которую только что описывал повествователь: "Словом, берег Днепра с начала весны до глубокой осени представлял живую, пеструю, шумную картину деятельности, где тысячи временных строений, примосток, балаганов служили пристанищем торговле и жилищем для пришельцев с севера, юга, востока и запада", - или - "Там слушали они песни скоморохов, хохотали, смотря на прыжки их, пили, гуляли "спустя рукава"... Веселье беспрестанно прерывалось дракою, а драка оканчивалась новою попойкою" (С.262-263). Если сравнить слова повествователя и Святослава в летописи, то получится, что герой от того бежит из Киева, что хочет видеть в Переяславце (веселье, бойкую торговлю и т.д.). Возни-

кает противоречие, и слова Святослава не столько подводят итог экспозиции, сколько являются завязкой конфликтной ситуации. Калокир прибывает на пир Святослава и говорит о том, что понимает грусть князя, так как знает о смерти его матери - княгини Ольги. Возражая ему, Святослав произносит загадочную фразу, где соединяются грусть по матери и Переяславце: "Старым людям надобно совесть знать и очищать место молодым... В свете и без того так тесно, что потянуться негде - право, тесно... А душа просит воли и раздолья... Ох! берега Дуная и раздольный мой Переяславец Дунайский" (С.268). Символом воли, которую постоянно пыталась ограничить княгиня Ольга, и становится далекая Булгария. Третий раз слова Святослава прозвучат в конце песни Велеса. "Нет! - воскликнул Святослав. - Нет, не любо мне в Киеве жити - хочу жить в Переяславце на Дунае! Там будет среда земли моей, - там вся благая сходитя - от греков паволоки и золото, и вина, и овощи различные, из чехов и угров серебро и кони, из Руси скоро, воск, мед и челядь! Прочь, пиры разгульные, прочь, девы красные, одры пуховые! Друзья! Не починуть, не отдохнуть, не пить вина, не ласкать дев, пока не зачерпнем шеломами воды Дуная широкого!" (С.283) Этот вариант фразы полнее, но сохраняется измененной первая фраза. В Святославе говорит дух его предков, завоевателей: "Из болот Новгородских перешел на берег Днепра Олег Вещий, с берегов Днепра перейдет Святослав на зланный берег Дунайский, - а там... Пусть толкуют вещуны, куда еще перейдет русский князь" (С.283). Эти слова Святослава перекликаются не только с предыдущими вариантами фразы, но и заставляют вспомнить о песне Велеса ("Не слышали, кого назвал Олег Вещий... Но знают то имя колдуны, вещуны Киева и Цареграда...") О первоизвании скифов, о возможности занятия ими престола цареградского говорил Калокир. Не к богатствам Цареграда стремится герой повести, в его душе живет мечта о вольном поле, об удачных походах предков. Об этом же идет речь в споре между ханом Печенежским и Святославом. Ответом на слова хана ("Отважны были твои отцы и деды, но от Царьграда бегивали они до сих пор, как от огня горячего. И сам ты не испытывал еще силы греческой" (С.271) становится решимость князя отправиться в новый поход и тем самым пойти против воли своего мнимого союзника - греков (известно, что в ту эпоху "греки уничтожают покушения руссов" на Царьград, заставляя их "сражаться с соседями" (Полевой, 1830. Т.2. С.37). Тесно Свя-

тославу в этом мире - "растягивайся здесь на пустой степи да в лесу - столкнешься с печенегом, шкура которого не стоит труда, чтобы содрать ее" (С.268). Святославу с его силой, размахом нет места в этом мире, где люди постепенно учатся двуязычию греков. Святославу все равно, какому богу молиться, он клянется "Перуном и Волосом, и богами греческими, и богами варяжскими" (С.284). Святослав не хочет понимать дипломатии и политики ("Не скрытно, не на слабых жен, не ночью, не украдкою ходил я в степи ваши, плавал под Тмутаракань и бился под Белою Вежею: впереди меня всегда ехал бирюч мой и говорил врагам моим: "Берегитесь - Святослав идет на вас!" (С.271) Два старших сына, воспитанных княгиней Ольгой, уже другие: "Калокир заметил завистливый взгляд (Выделено мною.- М.С.) Ярополка и Олега, украдкой брошенный ими на Владимира, и гордый взор, которым отвечал им Владимир" (С.269). Ярополк и Олег, в отличие от Святослава и Владимира, готовы бороться за власть любыми способами. Но Святослав не понимает, что не он один властен над будущим, что это пространство пересечения многих волей. Не властен он и противостоять "духу предков" - завоевателей, живущему в нем, зовущему к мщению за убитых товарищей (С.284). Святослав - князь, смелый воин, но не правитель, заботящийся о благоустройстве жизни, поэтому он и не понимает неумолимого движения к государственности. Поход его - это "последняя борьба руссов с Грецией", она "решила безопасность греческого государства. Владимиру сделали греки последнее пожертвование: честолюбием; борьба с Грецией кончилась: руссы начали образовываться в правильное общество" (Полевой, 1830. Т.2. С.35).

История мыслится Полевым как процесс, открытый с обеих сторон. Его герои живут на стыке двух событий - двух походов в Булгарию. Это и время стыка двух эпох: уходящей - правления норманнов- и новой - образования русского государства. Полевой обращается к "пустому" для историков времени, но именно это позволило сконцентрировать внимание читателей не на событии (сам поход), а мнении о событии, а это, в свою очередь, позволило выявить черты "народного духа", скрытого в героях.

В повести оказываются равнозначными летописная "формула" события, желание Калокира стать императором, песнь Велеса и стремление отомстить Святослава (три последние "идеи" исторически не доказаны). Кроме того, слова из летописи первоначально вводятся в речь повест-

вователя, а лишь потом в речь героев. Повествователь никогда не эксплицируется местоимением "я", но повествовательная перспектива тем не менее в повести постоянно изменяется. Повесть начинается с предельно обобщенного повествования ("Были и нет, жили и прошли - вот все, что говорят они памяти" (С.260), потом вводится точка зрения греческих географов через принятые ими обозначения земель славян (Гиперборея, Скифия, Сарматия), переходящая в повествование от лица "мы": "Будем ли мы читать повествования об них..." (С.260), - перенося временную точку зрения из прошлого в настоящее, объединяющее повествователя и читателя, предлагает последнему: "Уничтожьте нынешние города и жилища наши на сих степях, удалите все, что теперь гнездится на них". Воображение читателя должно "вещей птичкою" пролететь через века и остановиться на временах Святослава, при этом сам повествователь забегает в "будущее" ("там, где впоследствии раздвинулся обширный Киев"). Таким образом, точка зрения повествователя не закреплена ни в прошлом, ни в настоящем. Он то полностью переносится в описываемые времена, то, отстраняясь от них, "расслаивает" изображаемое событие на "идеи" и оценивает с позиций человека XIX века. У Полевого всегда есть участвующие в разговоре, споре герои и наблюдающие, поэтому повествование всегда движется несколькими параллельными пластами (право "говорения" переходит то к одной стороне, то к другой). Велес поет песнь, а внутрь ее с частичным пересказом только что спетого отрывка вводится воспринимающее сознание: мы видим, как реагируют Святослав, представители других народов. Повествователь описывает нам "табор" Святослава, а описание его самого поручает Михаилу, греческому послу, который видит в князе, прежде всего, смелого воина. В фокусе описания всегда оказывается чья-либо точка зрения (разговор в начале повести перерастает в спор Печенежского хана и Русского князя). При такой "незакрепленности" точки зрения повествователя возникает еще один эффект - запаздывания речи героя по отношению к повествователю. В конце повести Святослав формулирует афоризм, произнесенный повествователем в начале. Кроме того, герои легко предсказуемы, так как представляют лишь обобщенный тип какого-либо народа, поэтому читатель всегда может предугадать их действия. В результате Полевой добивается того, что все события повести воспринимаются как неслучайные, кем-то когда-то уже предсказанные, произнесенные, "запрограммированные" скры-

тым в героях "народным духом". Полевому очень важно показать, что герои способны угадать волю провидения, понять самих себя как представителей какого-то народа. Таким образом, главным "действием" истории, как она показана Полевым в повести, становится рождающееся слово, мнение, идея. Событие остается за пределами текста. История, дошедшая до нас, есть лишь слово об истории, эти "слова", "идеи" и необходимо связать в одну мысль, слить в единый поток. Увиденная таким образом история изначально мыслится организованной как художественный текст.

Литература

Бестужев-Марлинский, 1983 - Бестужев-Марлинский А.А. Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века // Их вечен с вольностью союз. Литературная критика и публицистика декабристов. М.: Современник, 1983.

Карпов, 1986 - Карпов А.Полевой и его повести // Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. Л.: Худ.лит-ра, 1986.

Козлов, 1989 - Козлов В.П. История государства Российского" в оценках современников. М.: Наука, 1989.

Лузянина, 1972 - Лузянина Л.Н. Проблемы истории в русской литературе первой четверти XIX века (От "Истории государства Российского" Н.М.Карамзина до трагедии А.С.Пушкина "Борис Годунов"). Автореферат на соискание уч.ст.к.фил.наук. Л., 1972.

Милованова, 1976 - Милованова О.О. Проблемы художественного историзма в русской критике пушкинской эпохи (1825-1830). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1976.

Полевой, 1830 - Полевой Н.А. История русского народа. Изд. 2-е, М., 1830.

Реизов, 1956 - Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. Л.: ЛГУ, 1956.

Сафиуллин, 1969 - Сафиуллин Я.Г. Полевой как теоретик романтизма. Автореферат на соискание уч.ст.к.наук. Казань, 1969.